





Александр  
Пушкин  
на rendez-vous

*Любовная лирика  
с комментариями  
и отступлениями*

Издательство АСТ/Москва

УДК 821.161.1-1  
ББК 84(2Рос=Рус)-6-44  
П91

Художественное оформление серии – Зелёная лампочка  
Дизайн блока – Татьяна Костерина

Составление, комментарии и отступления  
Ольги Сергеевны Муравьевой, старшего научного сотрудника,  
заместителя председателя Пушкинской комиссии РАН,  
кандидата филологических наук

Стихотворения А. С. Пушкина печатаются по: Пушкин А.С.  
Полное собрание сочинений 19-ти томах. М., Воскресенье, 1994-1997

### **Пушкин Александр Сергеевич**

П91 Александр Пушкин на rendez-vous. Любовная лирика с комментариями и отступлениями / Александр Пушкин; сост. и комм. Ольги Муравьевой. – Москва : Издательство АСТ, 2024. – 288 с. – (Поэзия под зелёной лампой).

ISBN 978-5-17-162196-4

Книга представляет собой сборник любовной лирики А. С. Пушкина, выстроенной в хронологическом порядке с 1813 по 1836 год. От первых полудетских стихотворений до поздних поэтических шедевров прослеживается путь пушкинского лирического героя, меняющегося и развивающегося с годами. Стихотворения сопровождаются комментариями, связанными с их литературным контекстом, бытом пушкинского времени и обстоятельствами личной жизни поэта. Отступления, посвящённые отдельным сквозным мотивам, постоянным темам и образам пушкинской любовной лирики, позволяют глубже понять её своеобразие.

Комментарии и отступления написаны О. С. Муравьевой, старшим научным сотрудником Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук.

**УДК 821.161.1-1**  
**ББК 84(2Рос=Рус)-6-44**

ISBN 978-5-17-162196-4

© А.А. Харитоновна, худ. оформление, 2024  
© О.С. Муравьева, составление, комментарии,  
отступления, 2024  
© ООО «Издательство АСТ», 2024

## ОТ АВТОРА

В известной статье «Русский человек на rendez-vous» (1858) Н. Г. Чернышевский выявил некоторые особенности развития любовного сюжета в русской литературе и обрисовал образ типичного русского героя этого сюжета. В своих рассуждениях критик опирался главным образом на произведения Тургенева и Гончарова. Образ главного героя-любownika русской литературы — Александра Пушкина — под таким углом зрения, в сущности, не рассматривался. В необъятной пушкиниане, разумеется, много сказано и о его любовных связях, и о его любовной лирике, но все эти сведения с трудом складываются в целостный образ. Не говорим уже о постоянном смешивании личности поэта с лирическим субъектом его стихотворений.

Любовная лирика Пушкина, выстроенная в хронологический ряд, удивительным образом складывается в завершённый сюжет, где есть начало и конец, сквозные мотивы и постоянные образы. Комментарий к стихотворениям, написанный в свободной, почти беллетристической форме, следует непосредственно за каждым стихотворением, с тем чтобы книга представляла собой единый текст. В такой книге не обойтись, конечно, без фактов биографии поэта, но в основном внимание сосредоточено на лирическом

субъекте его стихотворений. История пушкинской любовной лирики — увлекательная и драматичная история его становления как поэта и как мужчины. В лирических признаниях скрыты сложные психологические коллизии, анализ которых поможет яснее представить себе внутренний мир Пушкина. Разговор о лирических стихотворениях невозможен без некоторых теоретических положений касательно лирики в целом и особенностей пушкинской поэтики. В книге предусмотрен ряд коротких отступлений, например: «О лирическом герое», «О содержании лирического стихотворения», «О "мертвой возлюбленной" Пушкина» и пр. В конце книги даются библиографические справки. Книга адресована не узким специалистам, а широкому кругу читателей, интересующихся поэзией, Пушкиным и его эпохой.

## 1813 год

В мае 1813 года ему исполнилось четырнадцать лет. В это лето он написал свое первое любовное стихотворение! Первой музой будущего великого поэта стала Наталья — крепостная актриса графа Варфоломея Васильевича Толстого, имевшего в Царском Селе свой театр. Посещение спектаклей составляло «первое и почти единственное удовольствие» лицеистов, которым даже летом не разрешалось покидать Царское Село<sup>1</sup>. Хорошенькие актрисы, естественно, привлекали внимание взрослеющих мальчиков, а Наталья, по рассказу В. П. Гаевского, считалась в труппе «первой любовницей»<sup>2</sup>. Не устоял перед ее чарами и Пушкин.

### К Наталье

Так и мне узнать случилось,  
Что за птица Купидон;  
Сердце страстное пленилось;  
Признаюсь — и я влюблен!  
Пролетело счастья время,  
Как, любви не зная бремя,  
Я живал да попевал,  
Как в театре и на балах,  
На гуляньях иль в воксалах  
Легким зефиром летал;  
Как, смеясь во зло Амуру,  
Я писал карикатуру  
На любезный женский пол;  
Но напрасно я смеялся,

Наконец и сам попался,  
Сам, увы! с ума сошел.  
Смехи, вольность — всё под лавку,  
Из Катонов я в отставку,  
И теперь я — Селадон!  
Миловидной жрицы Тальи  
Видел прелести Натальи,  
И уж в сердце — Купидон!

Так, Наталья! признаюсь,  
Я тобою полонен,  
В первый раз еще, стыжуся,  
В женски прелести влюблен.  
Целый день, как ни верчуся,  
Лишь тобою занят я;  
Ночь придет — и лишь тебя  
Вижу я в пустом мечтании,  
Вижу, в легком одеянии  
Будто милая со мной;  
Робко, сладостно дыханье,  
Белой груди колебанье,  
Снег затмивший белизной,  
И полуотверсты очи,  
Скромный мрак безмолвной ночи —  
Дух в восторг приводят мой!..  
Я один в беседке с нею,  
Вижу...девственну лилею,  
Трепещу, томлюсь, немею...  
И проснулся... вижу мрак  
Вкруг постели одинокой!  
Ипускаю вздох глубокой,  
Сон ленивый, томноокой



Отлетает на крылах,  
Страсть сильнее становится,  
И, любовью утомясь,  
Я слабею всякой час.  
Всё к чему-то ум стремится,  
А к чему? — никто из нас  
Дамам в слух того не скажет,  
А уж так и сяк размажет.  
Я — по-свойски объяснюсь.

Все любовники желают  
И того, чего не знают;  
Это свойство их — дивлюсь!  
Завернувшись балахоном,  
С хватской шапкой на бекрень  
Я желал бы Филимоном  
Под вечер, как всюду тень,  
Взяв Анюты нежну руку,  
Изъяснять любовну муку,  
Говорить: она моя!  
Я желал бы, чтоб Назорой  
Ты старалась меня  
Удержать умильным взором.  
Иль седым Опекуном  
Легкой, миленькой Розины,  
Старым пасынком судьбины,  
В епанче и с париком,  
Дерзкой пламенной рукою  
Белоснежну, полную грудь...  
Я желал бы... да ногою  
Моря не перешагнуть,  
И, хоть по уши влюбленный,

Но с тобою разлученный,  
Всей надежды я лишен.

Но, Наталья! ты не знаешь,  
Кто твой нежный Селадон,  
Ты еще не понимаешь,  
Отчего не смеет он  
И надеяться? — Наталья!  
Выслушай еще меня:

Не владетель я Серая,  
Не арап, не турок я.  
За учтливового китайца,  
Грубового американца  
Почитать меня нельзя,  
Не представь и немчурою,  
С колпаком на волосах,  
С кружкой, пивом налитую,  
И с цигаркою в зубах.  
Не представь кавалергарда  
В каске, с длинным палашом.  
Не люблю я бранный гром:  
Шпага, сабля, алебарда  
Не тягчат моеи руки  
За Адамовы грехи.

— Кто же ты, болтун влюбленный? —  
Взглянь на стены возвышенны,  
Где безмолвья вечный мрак;  
Взглянь на окна загражденны,  
На лампы там заженны...  
Знай, Наталья! — я... монах!

Его первое любовное стихотворение получилось длинным и многословным: четырнадцатилетний автор просто захлебывался от радости и волнения. Наконец-то и он испытал это волшебное чувство, о котором столько читал и слышал! Хотя он и пытается изобразить сожаление («Пролетело счастья время, / Как, любви не зная бремя, / Я живал да попевал»), но не может скрыть ни свой мальчишеский восторг, ни тревожно-сладкое предвкушение того, чего «никто из нас дамам в слух <...> не скажет».

Стихотворению был предпослан эпитафия (позже зачеркнутый): «Pourquoi craindrais-je de le dire? / C'est Margot qui fixe mon goût» («Почему мне бояться сказать это? Марго пленила мой вкус». — франц.), взятый из сатиры Шодерло де Лакло «Послание к Марго» (1774). Тридцатитрехлетний французский поэт «боится» признаться в своем чувстве, возможно, из-за самого предмета страсти: под именем Марго выведена фаворитка Людовика XV мадам Дюбарри, в прошлом — публичная женщина; русский поэт-подросток пока еще «боится» просто выговорить интимные, «стыдные» слова<sup>3</sup>. Недаром стихотворение перенасыщено литературными клише: поэтическая условность помогает ему совладать с новыми, острыми и непривычными ощущениями. Он увлеченно примеряет на себя разные литературные маски героев популярных комедий, опер и — скрывается под ними. Игровая форма стихотворения делает возможным и самое сокровенное финальное признание: «Я... монах!». Иными словами, я — мальчик, еще не знавший любви.

В своем первом полудетском стихотворении о любви Пушкин еще не умеет выразить то, о чем он скажет позже точно и откровенно: «Безвестных наслаждений темный голод меня терзал»...<sup>4</sup>

## 1814 год

Ему исполнилось пятнадцать, и свое второе стихотворение о любви он назвал «**Опытность**»:

Кто с минуту переможет  
Хладным разумом любовь,  
Бремя тягостных оков  
Уй на крылья не возложит.  
Пусть не смейся, не резвись,  
С строгой мудростью дружишь;  
Но с рассудком вновь заспиришь,  
Хоть не рад, но дверь отворишь,  
Как проказливый Эрот  
Постучится у ворот.

Испытал я сам собою  
Истину сих правых слов.  
«Добрый путь! прости, любовь!  
За богинею слепою,  
Не за Хлоей, полечу,  
Счастье, счастье ухвачу!» —  
Мнил я в гордости безумной.  
Оглянулся... и Эрот  
Постучался у ворот.

Нет! мне, видно, не придется  
С богом сим в размолвке жить,  
И покамест жизни нить

Старой Паркой *там* прядется,  
Пусть владеет мною он!  
Веселиться — мой закон.  
Смерть откроет гроб ужасный,  
Потемнеют взоры ясны,  
И не стукнется Эрот  
У могильных уж ворот!

Не думаем, чтобы к лету 1814 года он набрался собственного опыта в «науке страсти нежной», но чужой опыт — любовную лирику — он знал прекрасно. Образ проказливого Эрота, стучащегося у ворот, восходит к оде III Анакреона. Пушкину она могла быть известна по переводам М. В. Ломоносова и Н. А. Львова. Уже в этом раннем стихотворении, заимствуя и подражая, он умеет сделать чужое своим. В известных сюжетах вдруг светится что-то глубоко личное, хотя, быть может, мы, через призму времени, иногда и домысливаем простой текст. Ведь ему еще пятнадцать, он не может знать, как сложится его будущая жизнь; но мы-то знаем, что шутовское заявление: «Нет! мне, видно, не придется / С богом сим в размолвке жить» совершенно справедливо.

### **Красавице, которая нюхала табак**

Возможно ль? вместо роз, Амуром  
насажденных,  
[Тюльпанов, гордо наклоненных,]  
Душистых ландышей, ясминов и лилей,  
[Которых ты всегда] любила  
[И прежде всякий день] носила  
На мраморной груди твоей —  
Возможно ль, милая Климена,

Какая странная во вкусе перемена!..  
Ты любишь обонять не утренний цветок,  
А вредную траву зеленую,  
Искусством превращенну  
В пушистый порошок! —  
Пускай уже седой профессор Геттингена,  
На старой кафедре согнувшись дугой,  
Вперив в латинщицу глубокий разум свой,  
Раскашлявшись, табак толченый  
Пихнет в длинный нос иссохшею рукой;  
Пускай молодой драгун усатый  
[Поутру, сидя у] окна,  
С остатком утреннего сна,  
Из трубки пенковой дым гонит сероватый;  
Пускай красавица шестидесяти лет,  
У Граций в отпуску, и у любви в отставке,  
Которой держится вся прелесть на подставке,  
Которой без морщин на теле места нет,  
Злословит, молится, зевает  
И с верным табаком печали забывает, —  
А ты, прелестная!.. но если уж табак  
Так нравится тебе — о пыл воображенья! —  
Ах! если, превращенный в прах,  
И в табакерке, в заточеньи,  
Я в персты нежные твои попасться мог,  
Тогда б в сердечном восхищеньи  
Рассыпался на грудь под шелковый платок  
И даже... может быть... Но что! мечта,  
мечта пустая.  
Не будет этого никак.  
Судьба завистливая, злая!  
Ах, отчего я не табак!..

Стихотворение буквально соткано из мотивов и образов «легкой поэзии» и пронизано ароматом галантного и фривольного века.

«Язык цветов», в котором за каждым цветком было закреплено определенное значение, был широко распространен в культурном обиходе и в литературе эпохи рококо, а также во французской «легкой поэзии». Этот «язык» был особенностью этикета, он часто обыгрывался во французских романах конца XVIII — начала XIX века. «Цветник» на груди пушкинской Клемены включает традиционный набор цветов; он почти полностью повторяет перечень из стихотворения Н. М. Карамзина «Протей, или несогласие стихотворца» (1798): «Там зрение пленят / И роза и ясмин, и ландыш и лилея». Очевидно, что Пушкина здесь не занимают метафорические значения каждого из цветков; это не использование «языка цветов», а только стилизация его. В стихотворении цветы украшают «мраморную грудь» красавицы, а не прическу или шляпку. Поэтическая формула «цветы на груди», часто используемая в «легкой поэзии», приобрела иносказательный эротический смысл, ставший уже традиционным. (С этой формулой связана метафора «розы и лилеи» как эвфемизм женской груди.)

Сопоставление цветов и табака («травы зеленой») определяет игровую и двусмысленную интригу сюжета стихотворения. «Какая странная во вкусе перемена!» — восклицает поэт, хотя в действительности пристрастие молодой красавицы к нюхательному табаку в 1810-х годах вряд ли могло показаться странным. Изящная табакерка, часто выполненная из драгоценного металла, украшенная росписью или бриллиантами, была излюбленным аксессуаром светских дам<sup>5</sup>. Кроме того, табакерка, в которую можно было незаметно вложить записку, становилась способом тайного общения влюбленных, играя в нем важную роль<sup>6</sup>. Тонкая игра, основанная на этикетной семантике цветов и нюхательного табака, подготавливает заключительное нескромное признание героя: он мечтает превратиться в табак, дабы рассыпаться на грудь красавицы.